

DOI: 10.31857/S0869049922010087

Оригинальная статья / Original Article

Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации

© Т.Р. ХАЙРУЛЛИН

Хайруллин Тимур Радикович, Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия);
Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), jumglaw16@yandex.ru

В статье представлен анализ эволюции исламизма/политического ислама как идеологической системы. Установлено, что исламизм, который организационно оформился на рубеже 1970–1980-х гг., изначально выступил в качестве прогрессивной и альтернативной модели, заменив доминировавшие идеи арабского национализма. Тем не менее, исламисты не сумели в полной мере достичь одной из главных целей – создать исламское государство – из-за сдерживания со стороны светских авторитарных государств. События в Персидском заливе и временное падение цен на нефть в конце 1990-х гг. усугубили идеологический кризис исламизма и привели к его переосмыслению. В качестве решения предлагалась более либеральная версия исламизма в виде постисламизма, который сочетал в себе исламские и демократические принципы и сосредотачивался на обязанностях, а не правах человека. Следующим рубежом в процессе либерализации исламистских идей стали события «арабской весны», которые привели к переосмыслению постисламистских концептов и либерализации салафитской доктрины, ее политизации. Более того, неудачи ряда исламистских партий в достижении политической власти и деятельность радикальных исламистских группировок привели к дискредитации идей исламизма среди населения Ближнего Востока и Северной Африки. Вероятно, что очередной кризис исламизма приведет к его дальнейшей либерализации, либо к формированию новой идеологической модели.

Ключевые слова: исламизм, политический ислам, постисламизм, Ближний Восток, нестабильность, «Братья-мусульмане»

Цитирование: Хайруллин Т.Р. (2022) Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации // Общественные науки и современность. № 1. С. 91–99. DOI: 10.31857/S0869049922010087

Trends in Political Islam: Transition Towards Liberalization

© Т. КХАЙРУЛЛИН

Timur R. Khayrullin, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), jumglaw16@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of Islamism/political Islam as an ideological system. This system was formed in the 1970s-1980s and initially acted as a progressive and alternative model, replacing the previously dominant ideas of Arab nationalism. However, the Islamists failed to fully achieve one of their main goals – the creation of an Islamic state – due to the deterrence of secular authoritarian states. The events in the Persian Gulf and the temporary drop in oil prices in the late 1990s aggravated the ideological crisis of Islamism and led to its rethinking. As a solution, a more liberal version of Islamism was proposed in the form of post-Islamism, which combined Islamic and democratic principles and was focused on duties, not human rights. The next milestone in the process of liberalizing Islamist ideas were the events of the Arab Spring, which led to a rethinking of post-Islamist ideas as well as the liberalization and politization of the Salafi doctrine. Yet, the failures of a number of Islamist parties in achieving political power, as well as the activities of radical Islamist groups, have led to the discreditation of Islamism among the population of the Middle East and North Africa. It is likely that the next crisis of Islamism will lead to its further liberalization or the formation of a new ideological model.

Keywords: Islamism, political Islam, post-Islamism, Middle East, instability, Muslim Brotherhood

Citation: Khayrullin T. (2022) Trends in Political Islam: Transition Towards Liberalization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 91–99. DOI: 10.31857/S0869049922010087 (In Russ.)

Будучи многомерным и неоднозначным явлением, политический ислам/исламизм в последние десятилетия претерпевает значительные трансформации. Актуальность темы исследования обусловлена ростом исламистских группировок и движений различного толка, которые своими действиями влияют на политическую обстановку в ближневосточном регионе и за его пределами. Примененный в исследовании системный подход позволил проанализировать не только отдельные аспекты исламизма, но и синтезировать их в единую картину.

Новые идеи, как правило, возникают в период кризисов и/или социально-политических потрясений как реакция на стагнацию и стремление ее преодолеть. Исламизм организационно оформился на рубеже 1970-1980-х гг. и достиг колоссальной популярности в Арабском мире как альтернативная модель движению арабского национализма, которое дискредитировало себя поражениями в арабо-израильских войнах, а также неспособностью объединить всех арабов «под одной крышей» и разрешить социально-политические проблемы [Хайруллин 2019]. Кульминационным итогом победы исламизма стала Исламская революция 1979 г. в Иране, которая, несмотря на свой шиитский характер, дала мощный импульс исламистским движениям по всему ближневосточному региону. Наряду с Ираном активным прозелитизмом занималась Саудовская Аравия, у которой было больше шансов занять лидирующие позиции в преимущественно суннитском регионе. Усилению позиций саудовского королевства способствовало нефтяное эмбарго 1973 г., а вслед за ним «нефтяной бум» [Кепель 2004].

Астрономическое обогащение саудовцев за счет притока нефтедолларов позволило им продвигать консервативную ваххабитскую версию суннитского ислама по всему ближне-

восточному региону. Руководство Саудовской Аравии считало набиравший популярность политический ислам новым интеграционным компонентом, который, отодвинув на второй план факторы языка, культуры и этнической принадлежности, объединит не только народы и государства ближневосточного региона, но и мусульман всего мира в единую умму. Создание исламского государства всеобщего благоденствия стало мечтой многих исламистских движений и групп ближневосточного региона [Vasiliev 2020].

Однако события в регионе в начале 1990-х гг. существенно ослабили мобилизационный, политический и культурный потенциал стратегии Саудовской Аравии. В первую очередь речь идет о вторжении Ирака в Кувейт в 1991 г., из-за которого саудовское королевство было вынуждено призвать на помощь американские военные силы, чтобы остановить иракскую агрессию. Мысль о том, что «неверные» в лице американских солдат будут топтать священную землю Аравийского полуострова, серьезно пошатнула авторитет саудовцев в глазах мусульман всего региона. Позиционирование Саудовской Аравией себя как лидера суннитского мира и хранительницы двух святынь (Мекки и Медины) никак не соотносилось с ее решением привлечь для разрешения конфликта иностранные войска.

Второй причиной дискредитации саудовской стратегии стало крушение иллюзий большинства населения стран региона, которое приезжало в монархии Персидского Залива (в т.ч. Саудовскую Аравию) на заработки. Работа на нефтяных месторождениях не улучшила благосостояние большинства ближневосточных стран (за исключением, пожалуй, Египта), а консервативный ваххабитский ислам стал ассоциироваться с зажиточными монархиями Залива и вызывать враждебность [Kenel 2004].

Наконец, снижению популярности политического ислама в саудовском исполнении способствовало временное падение цен на углеводороды в конце 90-х гг. XX в. [Akaev, Sadovnichy, Korotayev 2012].

Постисламизм как реакция на кризис исламизма

На фоне очевидного идеологического кризиса исламизма и роста радикальных исламистских группировок он был переосмыслен в духе либерализации. В частности, предлагалась новая усовершенствованная модель исламизма, которая должна была подстроиться под реалии современного глобализированного мира – постисламизм.

Постисламисты считали, что в условиях доминирования светских авторитарных режимов исламизм не смог добиться своей главной цели – создания исламского государства [Bayat 1996; Roy 2004]. Исламизм обращен в прошлое (к стремлению создать исламское государство по образцу «золотого века ислама»), в то время как постисламизм смотрит в будущее и вполне может уживаться с теми демократическими ценностями, которые не противоречат основным принципам ислама [Lauzière 2005]. Один из идеологов постисламизма американско-иранский исследователь А. Баят определил постисламизм как состояние, при котором после ряда экспериментов даже в глазах самых ярких сторонников исчерпываются привлекательность, энергия, символы и источники легитимности исламизма. Постисламизм представляет собой попытку объединить религиозность и права, веру и свободу. Он стремится перевернуть основополагающие принципы исламизма с ног на голову, сделав акцент на правах вместо обязанностей, плюрализме в пространстве единственного авторитарного голоса, историчности вместо фиксированного Священного Писания и будущем вместо прошлого. Вместе с тем он не носит антиисламский характер, а скорее отражает тенденцию к ресекуляризации религии. В первую очередь данное течение призывает ограничить политическую роль религии [Bayat 1996].

В качестве успешных примеров построения постисламистского общества можно привести Турцию и Иран, которые на рубеже 1990-2000-х гг. сумели соединить ислам с индивидуальной свободой и выбором, связав свой образ с демократическими ценностями [Bayat 2007]. Стоит отметить, что в дальнейшем в обеих странах усилился авторитарный стиль правления, что поставило под сомнение возможность успешного построения постисламистского общества. Также ряд далеких от политического истощения исламистских партий в 2000-х гг. доказали, что их электоральный потенциал все еще силен и они по-прежнему стремятся достичь политической власти. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правилах не помешали египетским «Братьям-мусульманам» показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990-2000-х гг., показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны. Тем не менее нельзя отрицать, что в рассматриваемых странах в рамках эволюции идеологических парадигм проявлялись либеральные тенденции.

Арабская весна как новый рубеж в либерализации исламизма

Революционные события «арабской весны» существенно скорректировали идеологическую архитектуру ближневосточного региона. Падение авторитарных режимов и рост протестных выступлений в поддержку демократических принципов привели к очередным рассуждениям о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета». Характеризуя новое постисламистское общество, западноевропейский исследователь Ф. Каваторта использует термин «новые исламисты», описывая новую религиозность, которая связана с арабским восстанием и спонтанным сотрудничеством с институционализированным политическим исламом [Cavatorta 2012b].

В период «арабской весны» новыми примерами формирования постисламистского общества стали Тунис и Марокко. Успех «Братьев-мусульман» в Египте трудно вписать в постисламистскую парадигму из-за его кратковременности и неспособности египетских исламистов удержаться на политической арене [Ketchley 2017].

В Тунисе идеологически родственная «Братьям-мусульманам» умеренная исламистская партия «Возрождение» (ан-Нахда) показала твердые намерения достигать компромисса и принимать консенсусные решения, которые были далеки от ее первоначальных предвыборных обещаний [Cavatorta 2012a]. В итоге парламентской гонки 2011 г. ан-Нахда победила, получив 89 из 217-и мест. В парламенте в период с 2011 по 2014 гг. партия придерживалась прагматического подхода и сформировала коалицию «Тройка», в которую вошли Демократический форум за труд и свободы и Конгресс за республику. Временное сближение в тактических целях позволило исламистам занять доминирующее положение и влиять на формирование политической повестки в тунисском парламенте [Васильев, Хайруллин, Коротаев 2019].

Очевидно, что для достижения общей цели – перехода от авторитаризма к демократии – тунисские исламисты готовы были пойти на временное тактическое сближение с неисламистскими партиями. Представители ан-Нахды не раз высказывались о совместности ислама с демократией и выступали за свободное и справедливое общества в Тунисе [Cavatorta, Merone 2015]. Однако энергичная политика исламистской партии затормозилась в 2014 г., когда на следующих выборах в парламент она не смогла выйти в лидеры. Потеря позиций была связана с углубившимися противоречиями на фоне провокаций со стороны консервативных и радикальных групп относительно будущего Основного Закона страны. Их недовольство вызвали заявления ан-Нахды о том, что шариат не будет

единственным источником законодательства [Хайруллин 2019]. Исламисты заняли второе место по количеству депутатских мандатов и лишились возможности влиять на политические решения в парламенте. Тем не менее партия смогла остаться на политической арене – в отличие от «Братьев-мусульман» в Египте.

Марокканская умеренная исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) (близкая к «Братьям-мусульманам» и имеющая то же название, что и правящая партия в Турции) также показала способность пользоваться благоприятной политической конъюнктурой и отстаивать демократические права и свободы. В результате политической борьбы марокканские исламисты победили на выборах в парламент 2011 г. и сформировали правительство. Несмотря на противодействие со стороны королевской власти, ПСР повторила успех на парламентских выборах 2016 г. По мнению бельгийского исследователя С. Земни, ПСР можно назвать постисламистской в том смысле, что она не столько стремится восстановить «первоначальный исламский город времен пророка», сколько пытается создать социальный порядок, в котором справедливость гарантирована через уважение к исламским ценностям, которые имеют свою генеалогию в священных текстах [Zemni 2013].

Примеры построения постисламистского общества в Иране и Турции носят неустойчивый и сомнительный характер. Однако модели Туниса и Марокко, которые приблизились к преобразованиям политического ислама на основании интеграции в демократический выбор, гражданское государство и разделение религии и политики, по-видимому, преуспели в приближении к сути постисламистской идеи.

«Арабская весна» способствовала качественному переходу ряда салафитских движений от проповеднической деятельности к активному участию в политических выборах. Стоит отметить, что формировавшаяся на протяжении XIII–XVIII вв. салафитская концепция основана, прежде всего, на идее о том, что на протяжении последних столетий различные нововведения исказили ислам и, чтобы освободиться от них, необходимо вернуться к временам пророка Мухаммада и четырех праведных халифов – «золотому веку» ислама. Данная цель – источник постоянного вдохновения для салафитов [Наумкин 2005]. Представители течения распространяли свои идеи через проповедническую деятельность, которая включала в себя призывы (да'ва) и полный отказ от участия в политике [Wiktorowicz 2006]. Также стоит отметить, что салафизм и исламизм – направление в исламе и сформировавшуюся на его основе политическую идеологию – отождествлять нельзя [Хайруллин 2020].

До событий «арабской весны» салафиты не занимались политической деятельностью и ограничивали свое присутствие в социальной сфере – за исключением, пожалуй, салафитов из Кувейта [Хайруллин 2020]. Однако события 2011-2012 гг. кардинальным образом изменили существующее положение дел – в ряде ближневосточных государств стали появляться салафитские политические партии.

Они образовались в Египте, Тунисе и Йемене. В Марокко салафитские движения проявили активную гражданскую позицию и смогли повлиять на итоги выборов в парламент в 2011 и 2016 гг. Участие салафитов в политических выборах привело к идеологическому расколу на два лагеря: часть сторонников считали политику неотъемлемой частью современной жизни и инструментом для отстаивания исламских принципов, другие рассматривали участие в политических выборах как временную акцию.

Несмотря на то, что либерально настроенная часть салафитов не достигла значимых успехов и не стала активной политической силой, возникновение салафитских партий говорит о существенных сдвигах в сторону либерализации традиционной салафитской доктрины.

Значительная тенденция к либерализации наблюдалась и в рядах традиционной исламистской организации «Братья-мусульмане» накануне событий «арабской весны». После поражения на выборах в парламент в ноябре-декабре 2010 г. либерально настроенные члены «Братьев-мусульман» создали Партию свободы и справедливости, которая победила на внеочередных выборах 2012 г. благодаря демократической программе и лозунгам. Так, президент Египта и лидер партии М. Мурси в интервью корреспонденту журнала «Азия и Африка сегодня» заявлял, что «поскольку народ в исламе является источником власти, демократия будет неотъемлемой частью курса партии» [Васильев, Петров 2012]. Таким образом, в рядах «Братьев-мусульман» преобладают умеренные исламистские взгляды и наблюдается тенденция к большей либерализации организации, которая принимает форму демократического исламизма.

Помимо прочего, в последние несколько лет снижается доверие населения к исламистским движениям и исламизму в целом. Данной динамике способствуют неудачи умеренных исламистских партий и движений в достижении власти и их неспособность решать социально-экономические проблемы, а также деятельность радикальных исламистских группировок. По данным исследователей из Принстонского и Мичиганского университетов, за последние пять лет в шести ключевых арабских странах снизилось «доверие к исламистским партиям» и «доверие к религиозным лидерам», что также отразилось на посещаемости мечетей. Так, в 2013 г. 8% опрошенных арабов называли себя «нерелигиозными» («неактивными мусульманами»), к 2018 г. их доля возросла до 13% [Akyol 2019].

Доверие к исламистским партиям, которые имеют идеологическое родство с «Братьями-мусульманами», значительно уменьшилось, а их популярность и легитимность находятся на самом низком уровне среди арабской общественности, снизившись с 47,5% до 19,8% в период с 2011 по 2019 гг. [First Annual... 2020].

* * *

Организационно оформившись на рубеже 70-80-х гг. XX в., исламизм выступил в качестве либеральной идеологической модели, которая способна исправить социально-политические ошибки арабского национализма. Однако движение не смогло достичь поставленной цели – построить исламское государство – и постоянно встречало противодействие со стороны авторитарных режимов, что привело к идеологическому кризису и переосмыслению исламистских идей в начале 1990-х гг. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагалась более либеральная версия исламистских идей – постисламизм. Тем не менее, примеры постисламистских обществ в Иране и Турции оказались недолговечными из-за усиления авторитарных тенденций. К тому же, успехи ряда исламистских партий на рубеже 2000-х гг. показали сохраняющийся потенциал исламизма. События «арабской весны» ускорили либеральные демократические тенденции, которые отразились в т.ч. и на исламистской идеологии. В частности, умеренные исламисты, которые выступали за совмещение ислама и демократии, преуспели в Тунисе и Марокко, что позволило говорить о возрождении постисламистских идей. Рост либеральных тенденций усилился с появлением салафитских партий в ряде государств Арабского мира. Однако либеральные подходы исламистов терпят сложности, которые не позволяют им в полной мере достичь поставленных целей. Особую проблему на данном пути представляют радикальные исламистские группировки, которые также получили эволюционное развитие в период «арабской весны».

На фоне непрекращающейся нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке трудно удивляться тому, что падает эффективность лозунгов исламистских партий, дви-

жений и исламизма в целом, отражая определенное разочарование населения. Безусловно, данная тенденция не так ярко выражена, однако нынешние позиции направления не сравнимы с популярностью исламизма в 70-80-е гг. XX в. или в период «арабской весны». Более того, снижение популярности исламизма говорит о либерализации общественного сознания и постепенной секуляризации социального-политических отношений в ближневосточном регионе. В свою очередь, либерализация политического сознания консервативных салафитских и умеренных исламистов свидетельствует о значительной трансформации исламизма, что может привести к появлению его новых модификаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А.М., Петров Н. (2012) Рецепты Арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм.
- Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. (2019) Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // *Азия и Африка сегодня*. № 10. С. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2.
- Кепель Ж. (2004) *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.
- Наумкин В.В. (2005) *Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов*. М.: Книга.
- Хайруллин Т.Р. (2019) *Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов?* М.: Институт Африки РАН.
- Хайруллин Т.Р. (2020) Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке // *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial Economic Crises Forecasts // *The European Physical Journal Special Topics*. Vol. 205. № 1. Pp. 355–373.
- Akyol M. (2019) A New Secularism Is Appearing in Islam. *The New York Times*. Dec. 23, 2019. (<https://www.nytimes.com/2019/12/23/opinion/islam-religion.html>).
- Bayat A. (1996) The Coming of a Post-Islamist Society // *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. Vol. 5. № 9. Pp. 43–52.
- Bayat A. (2007) *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press.
- Cavatorta F. (2012a) The Success of ‘Renaissance’ in Tunisia and the Complexity of Tunisian Islamism. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.
- Cavatorta F. (2012b) The War on Terror and the Transformation of Political Islam // *Religion Compass*. Vol. 6. № 3. Pp. 185–94.
- Cavatorta F., Merone F. (2015) Post-Islamism, Ideological Evolution and ‘La Tunisianité’ of the Tunisian Islamist Party al-Nahda // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 20. № 1. Pp. 27–42.
- First Annual TRENDS Political Islam Forum: Muslim Brotherhood’s perception changing in the West (2020) TRENDS Research & Advisory. (<https://trendsresearch.org/trends-news/first-annual-trends-political-islam-forum-muslim-brotherhoods-perception-changing-in-the-west/>).
- Ketchley N. (2017) *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuru A.T. (2013) *Muslim Politics without an «Islamic State»: Can Turkey’s Justice and Development Party be a Model for Arab Islamists?* Policy Briefing. Doha: Brookings Doha Center.
- Lauzière H. (2005) Post-Islamism and the Religious Discourse of ‘Abd al-Salam Yasin // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 37. № 2. Pp. 241–261.
- Roy O. (2004) *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press.
- Vasiliev A.M. (2020) The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. Regional and Global Implications // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 11. № 2. Pp. 55–62.

Wiktorowicz Q. (2006) Anatomy of the Salafi Movement // *Studies in Conflict & Terrorism*. № 3. Pp. 207–239.

Zemni S. (2013) Moroccan Post-Islamism: Emerging Trend or Chimera // In: *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York: Oxford University Press. Pp. 134–156.

REFERENCES

Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial Economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal Special Topics*. vol. 205, no. 1, pp. 355–373.

Akyol M. (2019) A New Secularism Is Appearing in Islam. *The New York Times*. Dec. 23, 2019. (<https://www.nytimes.com/2019/12/23/opinion/islam-religion.html>).

Bayat A. (1996) The Coming of a Post-Islamist Society. *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. vol. 5, no. 9, pp. 43–52.

Bayat A. (2007) *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press.

Cavatorta F. (2012a) *The Success of 'Renaissance' in Tunisia and the Complexity of Tunisian Islamism*. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.

Cavatorta F. (2012b) The War on Terror and the Transformation of Political Islam. *Religion Compass*. vol. 6, no. 3, pp. 185–94.

Cavatorta F., Merone F. (2015) Post-Islamism, Ideological Evolution and 'La Tunisianité' of the Tunisian Islamist Party Al-Nahda. *Journal of Political Ideologies*. vol. 20, no. 1, pp. 27–42.

First Annual TRENDS Political Islam Forum: Muslim Brotherhood's perception changing in the West (2020) TRENDS Research & Advisory. (<https://trendsresearch.org/trends-news/first-annual-trends-political-islam-forum-muslim-brotherhoods-perception-changing-in-the-west/>).

Kepel' J. (2004) *Dzhihad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: The Expansion and Decline of Islamism]. Moscow: Ladomir.

Ketchley N. (2017) *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Khayrullin T.R. (2019) *Bor'ba za liderstvo v arabskom regione. YEst' li shans dlya islamistov?* [The Struggle for Leadership in the Arab Region. Do Islamists Have a Chance?]. Moscow: Institut Afriki RAN.

Khayrullin T.R. (2020) Politizatsiya salafizma na Blizhnem Vostoke i v Severnoj [Afrike Politicization of Salafism in the Middle East and North Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 12, pp. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5.

Kuru A.T. (2013) Muslim Politics without an «Islamic State»: Can Turkey's Justice and Development Party be a Model for Arab Islamists? Policy Briefing. Doha: Brookings Doha Center.

Lauzière H. (2005) Post-Islamism and the Religious Discourse of 'Abd al-Salam Yasin. *International Journal of Middle East Studies*. vol. 37, no. 2, pp. 241–261.

Naumkin V.V. (2005) *Islamskij radikalizm v zerkale novyh koncepcij i podhodov* [Islamic Radicalism in the Mirror of New Concepts and Approaches] Moscow: KomKniga.

Roy O. (2004) *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press.

Vasiliev A.M. (2020) The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. Regional and Global Implications. *Journal of Globalization Studies*. vol. 11, no. 2, pp. 55–62.

Vasiliev A.M., Petrov N. (2012) *Recepty Arabskoj vesny: russkaya versiya* [Recipes of the Arab Spring: Russian Version]. Moscow: Algoritm.

Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2019) Novyj al'yans v bor'be za liderstvo v arabskom regione [A New Alliance in the Struggle for Leadership in the Arab Region]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 10, pp. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2.

Wiktorowicz Q. (2006) Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict & Terrorism*. no. 3, pp. 207–239.

Zemni S. (2013) Moroccan Post-Islamism: Emerging Trend or Chimera. In: *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York: Oxford University Press. pp. 134–156.

Информация об авторе

Хайруллин Тимур Радикович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Адрес: Спиридоновка ул., д. 30/1, Москва, 123001. Доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН). Адрес: Миклухо-Маклая ул., д. 6, Москва, 117198. E-mail: jumglaw16@yandex.ru

About the author

Timur R. Khayrullin, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Center of Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation, 123001. Associate Professor, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Address: 6, Miklukho-Maklai str., Moscow, 117198. E-mail: jumglaw16@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2021